ВИКТОР НОВОСЕЛОВ

РУТИННАЯ РАБОТА

12+

Виктор Новоселов

Рутинная работа

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Новоселов В.

Рутинная работа / В. Новоселов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Действие романа происходит в будущем. Главный герой – неопытный молодой человек. Ему предстоит работа на спутнике Сатурна - Япете. Он работает в составе экспедиции, цель которой рутинная геологоразведка. Во время работы происходит несчастный случай, главный герой получает тяжелую травму.
С этого момента его мир меняется. Будучи изолирован, ожидая спасения, главный герой встречает незнакомца, которого считает просто галлюцинацией. Однако с этого момента его мир будет постоянно меняться.

© Новоселов В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1 8
2 13
3 20
4 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Всякий, кто бывал на море, замечал, что время здесь всегда бежит удивительно медленно. Сам воздух вокруг тебя кажется непомерно тяжелым, почти осязаемым. Даже секундной стрелке будто бы очень трудно двигаться по своей орбите. Здесь человек замечает, что перестает быть самим собой рядом с большой водой. Твоя сущность остается где-то за пару километров до линии прибоя и ждет там тебя. Будь ты хоть офисный клерк или известный хоккеист, неважно. Все эти личины терпеливо ждут где-то по обочинам дорог. Терпеливо ожидают того момента, когда хозяевам неминуемо придется возвращаться назад. Тогда по дороге домой человеку ничего не останется, кроме как вновь влезть в свою шкуру и вернуться в свой привычный мирок.

Можно даже почувствовать тот момент, когда твоя личина нарывается на непреодолимую преграду и отпускает тебя. Тот самый момент, когда скорый поезд выныривает из тоннеля, и ты краем глаза видишь вдалеке серебристую гладь воды. Тот самый легкий укол куда-то в живот, от которого все тело вдруг наливается теплом, и тебе неожиданно хочется глупо смеяться и много говорить.

Все! Порог пройден. Ты больше не региональный представитель международной компании распространяющей сантехнические изделия из латуни, произведенные другой крупной международной компанией в Китае, по лицензии третьей крупной международной компании из Италии. Теперь ты только человек и больше ничего. Дикарь, лишенный длинного списка обязанностей и правил. Человек, которому очень повезло и теперь ему ненадолго дозволяется освободиться от самого себя и прикоснуться к вечному.

Налетает легкий прохладный ветерок, и я немного поежившись, перестаю гипнотизировать точку на горизонте и теперь вижу картину целиком. Вечер спокойного безоблачного дня, такого же безмятежного как море передо мной. Я стою по щиколотку в воде и слушаю море. Мелкие волны то и дело накатывают на берег. Я тону. Я медленно, но верно ухожу в песок с каждой волной все глубже и глубже. Кто знает, лет через пятьдесят я погружусь в песок с головой, не надо смеяться, я в страшной опасности.

Но я не отчаиваюсь, я неотрывно смотрю на небо. Так получилось, что я стою лицом к востоку и закат скрыт от меня медленно разрушающимися древней горной цепью на западе. Бьюсь об заклад, они сейчас столь величественно окружены красным ореолом от заходящего солнца. И, кажется, что так было всегда, что уж тут говорить, эти горы начали разрушаться еще тогда когда мои далекие предки, наконец, поняли что мясо, поджаренное на огне вкуснее, чем сырое. И разрушатся окончательно только когда мои далекие потомки, наконец, домучают нашу бедную планету. Господи, как же ничтожен я, у которого всего сто лет срока, да и то только при хорошем раскладе, это же просто смешно. Я до смешного недолговечен, даже против каждой песчинки под моими ногами.

Каждая капелька воды вокруг меня уже существует четыре с половиной миллиарда лет. Континенты двигались, лед сковывал планету, родились и умерли динозавры, человек стал главенствовать на планете, появлялись и гибли построенные им города, и все это время вокруг них была одна и та же вода. Представляете, волна сейчас в одну секунду выбросила на берег целый пласт истории нашей планеты, вот эта капля – слеза, что была на глазах девушки, которую запечатлел Пикассо в своей картине. А вот эта побывала в том канале, что вырыли карфагеняне, чтобы окружить римлян во время последней для них войны…

Чайка пролетает надо мной и заливисто кричит, будто посмеивается над моими мыслями. Да, пожалуй, я и правда, слишком сильно вдался в области, где ничего не смыслю. Вернемся к делу, задачу я поставил перед собой следующую: спокойно стоять и не сводить взгляда с небосклона. А цель моя: засечь первую звезду. Я каждый вечер выхожу сюда и стараюсь увидеть эту заветную первую звезду, при виде которой принято загадывать желание. Я бы без труда нашел ее, но периодически мои мысли уплывают куда-то в область высоких материй, а когда я возвращаюсь назад в наш бренный мир, то на небе уже ярко горят десятки звезд.

Я абсолютно не суеверен, но именно здесь на море, почему то задался глупой целью поймать эту самую первую звезду. Разум в моей голове в недоумении сопротивляется, рекомендуя просто взять и посмотреть на карту звездного неба. Ведь стоит просто определить по ней самую яркую звезду и дождаться ее появления. Но здесь я не ищу научных путей. Моя личина научного работника осталась в нескольких километрах отсюда в терминале аэропорта, у нее не было с собой паспорта, и ее не выпустили из зоны прилета.

Из здания аэровокзала вышел уже просто человек, который теперь стоит на пляже и ловит первую звезду, медленно утопая в песке. Иногда так приятно отступиться от себя и посмотреть на мир глазами ребенка. Для тебя все ново, весь мир вокруг не изучен, ты дикарь который даже не задумывается о том, почему светит солнце и что за «небесное тело» у него под ногами. Да и сам термин «небесное тело» ему совершенно побоку. Все что знает дикарь это то, что именно ему, именно сейчас надо увидеть первую звезду.

А вот же она, первая звезда… А вон вторая… И третья, я опять все пропустил. Снова задумался. Дикарь снова переусердствовал в работе мозгами, когда надо было работать лишь глазами.

Я смотрю на личный терминал, закрепленный на запястье, уродливое технологическое новшество, оно мешает дикарю и не дает в полной мере оставить самого себя подальше. Но отказаться от него я не в силах, жду важное сообщение. Но сейчас он нужен мне лишь как часы, и часы эти показывают полдесятого. Я на всякий случай подношу терминал к уху, разумеется, электронный дисплей не тикает, но я что-то чувствую. Так и есть, время здесь явно движется медленнее. Электроника терминала отсчитывает секунду за секундой, но этот интервал будто несколько более протяжен, чем обычно. Знакомый такт замедлен, совсем чуть – чуть, но ощущается иначе. Секунда это время равное 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133. Навскидку я сейчас определил что в морской секунде 9 192 632 867 периодов излучения. Шах и мат наука, даже дикарь, вязнущий в песке и вновь упустивший свою звезду знает, что время не постоянно.

Вдруг я осознаю, что чувствую чье-то присутствие, кто-то крадется за моей спиной. Я не слышу, и не решаюсь обернуться, все это на уровне интуиции, но я уверен в своих ощущениях. Я знаю, кто это, я чувствую, как она подбирается поближе, стараясь произвести как можно меньше шума. Да она хочет испугать меня!? Вот негодница.

Я не вижу, но откуда-то знаю, что на ней одето легкое свободное платье, раскрашенное во все цвета радуги дизайнером-эпилептиком. А на ногах у нее белые теннисные туфли. Вероятно, я – экстрасенс. Да все сходится, я – дикарь-экстрасенс, эмпирически доказавший протяженность морской секунды, в данный момент, упустивший первую звезду и очень медленно тонущий в песке.

Но мой невидимый оппонент не теряет времени даром, и теперь она уже совсем близко. Девушка крадется, но даже сейчас чувствуется, что она слегка прихрамывает на левую ногу. Я ощущаю это благодаря тому, как неравномерно она перемещается в моей ауре. Ведь дикари верят в ауру, верно? Или я просто слышу, как она с каждым шагом слегка шаркает по песку. Хотя не верно, я не могу слышать это шарканье из-за волн, но этот звук родившейся в моей голове поражает своей реалистичностью.

Я все знаю, я же экстрасенс. Вот сейчас я открою вам ее прошлое все как на ладони, в детстве ее мама, весьма крупная к слову женщина, хотела видеть дочь гимнасткой, но серьезная травма дочери избавила ее от навязчивой идеи и та, осознав ошибочность такого подхода, дала ребенку зеленый свет заниматься тем, чем она хочет. Как вам? Да, я очень хорош.

Тем временем она подкрадывается все ближе, и тут вдруг издает предательский смешок. Я слышу это, но не оборачиваюсь. Я готов рассмеяться, меня распирает. Но я держусь. Она тем временем замирает, я знаю, что сейчас она, закусив верхнюю губу, положит руку на лоб,

стараясь удержать свои сильно кудрявые волосы, и будет пытаться понять, раскрыта она или нет. Продолжай, дорогая моя, я тебя не услышал, сыграем в эту игру.

Но тут вдруг она кричит грубым мужским голосом: «Алекс, с дороги, драть мать твою за ногу!».

1

Хмммм, мне кажется, что тут что-то не сходится. Вдруг море куда-то исчезает, иллюзия разрушается, и теперь надо мной предстает черное звездное небо усыпанное звездами. А под ногами белоснежный прессованный миллиардами лет лед. Я смотрю направо, где на пределе возможностей по льду на меня несется огромная шестиколесная машина. «Вот и конец сказке!» – проносится в моей голове.

Но я не из такого теста, пол секунды паники и я со всех сил толкаюсь и падаю вперед. Гравитация, хитрая ты падла. Дома я бы пролетел положенные пару метров и шлепнулся на брюхо. Но здесь пролетев по дуге петров пять, я втыкаюсь в грязный лед прямо шлемом, и, кувырнувшись, падаю ничком. Все забрало шлема теперь в белой ледяной крошке. Но я уже чувствую, что разминулся с вездеходом, лед вибрирует где-то в стороне. Я не могу слышать работающий двигатель, ведь, как известно звук в космосе не распространяется. Но по рации в шлеме слышу, как ревет двигатель за спиной водителя вездехода, что сейчас орал на меня по внутренней связи.

Я, наконец, поборов позывы сердца к инфаркту, приподнимаюсь на руках и сажусь. Вот так, оставаясь сидеть прямо на пятой точке, я смотрю вслед вездеходу. Метров через пятьдесят он начинает вязнуть, вездеход заметно тащит влево. Лед там значительно мягче, чем там, где сейчас сижу, и вообще представляет собой что-то вроде толстого слоя мелкой пыли.

Еще пара метров и вездеход зарывается уже по самые оси, теперь его не только ведет влево, но и понемногу опрокидывает на бок. Но он продолжает продвигаться вперед хоть и со скоростью улитки. Вдруг, он перестает двигаться вперед и только все глубже зарывается в ледяную крошку. Пару раз водитель дает задний ход, пытаясь выехать «враскачку». Все тщетно, и вдруг передатчик у меня в шлеме начинает орать. Это водитель, огромная двухметровая детина вдавливает рычаг газа до предела и помогает своей машине фирменным боевым криком. Вскоре его крик тонет в высокочастотном шуме электродвигателя уже почти дошедшего до предела. Тут вдруг двигатель издает непонятный писк в районе ультразвука и все в момент замолкает. Вездеход беспомощно замирает примерно в пятидесяти метрах от меня. Гаснут кабина и огни. Вместе со смертью вездехода для меня обрывается связь и в эфире устанавливается мертвая тишина. Такая, что я слышу теперь только собственное дыхание и биение сердца. Именно эта тишина обычно заставляет неопытных ребят вроде меня внезапно улететь в давно позабытое путешествие на море, а при долгом и неаккуратном обхождении ненавязчиво предлагает снять шлем скафандра и побегать голышом прямо в открытом космосе.

Я вижу, что открывается кабина, и водитель вездехода выбирается из своего кресла наружу на борт вездехода. Он машет мне рукой, а потом усаживается на борт и, свесив ноги вниз, начинает болтать ими как малое дитя. Наконец автоматически включается резервная цепь питания от аккумулятора, на вездеходе загораются сигнальные огни, а вместе с этим ко мне, наконец, возвращается связь…

– Ну, твою мать, я же вчера только все починил. Я уже и так из трех вездеходов два собрал, так они и эти доломать пытаются. Говорю «не проедем, сломаемся», значит, так оно и будет. Нет, программа у них горит, надо что-то им делать. «Давайте с накатки заедем». Молодцы и что теперь, как его вытаскивать…

Мимо меня хаотично подпрыгивая, проносится луч света, прикрепленный к маленькому скафандру, луч света быстро несется к вездеходу. И не затыкается при этом не на секунду.

– …Вот скотина, да как так можно!? Вчера! Не месяц назад, вчера движок только перебрал! Два раза за неделю уже загнал движок! Скоро там не только нечем будет что-то чинить, но и нечего!

Он причитал, не прерываясь иногда он так сильно ругался, что соскакивал с единого языка на свой родной французский.

– Гарсон! Фрам на связи! – резкий голос в передатчике, он был настолько пропитан сталью, что даже я против воли вскакиваю на ноги, хотя знаю что обладатель этого голоса в нескольких сотнях километров от нас. Тот факт, что человек говорил по всепланетной связи, и его голос был изменен электрическими помехами, не умалял его достоинств, в нем чувствовалась несгибаемая сила и мудрость, приобретенная колоссальным опытом. Я с испугу зачем-то отдал честь пустоте перед собой. Хотя это было и не обязательно, даже при личной встрече.

– На связи! – отвечает только что причитавший луч света, замирая подле вездехода.

– Гарсон! Или выруби передатчик или не ной! Был бы ты первую смену в космосе, тогда еще ладно, просто больше бы никуда тебя не взяли. А то механик, каких мало, а толку то? Бернар доложи обстановку.

– Привет, Фрам. – Спокойным голосом сказал медведь в скафандре. Ой, простите, человек, сидящий на борту вездехода и дрыгающий ножками. – Продвижение было остановлено после прохождения метров пятидесяти по насыпи. Дальше я завяз, а потом и матчасть подвела. Зацепиться не за что, колеса как в воде крутятся, только глубже уходишь. Я считаю, что это тупик. Вот тебе мое объективное мнение пилота техники повышенной проходимости – ни один из наших вездеходов здесь с грузом не пройдет. И точка. Да и снова лоханка наша сломалась, теперь уже видимо серьезно, думаю, если так работать «Мальту-2» тоже скоро утиль ждет.

– Я тебе дам в утиль! Сам слышал, как движок визжал, не бережешь технику, вот и все. «Объективное мнение пилота техники повышенной проходимости» он тут высказывает. Дегенерат ты, а не пилот! – Маленький человек вновь начал движение к вездеходу.

– Гарсон!

– Извини, Фрам. Но все же ситуацию знаем, в наших условиях надо бы экономить запчасти, а не надрывать технику, особенно в таких замечательных начинаниях как «разогнаться под гору и на полном ходу проскочить насыпь» – Наконец дошедший до вездехода Гарсон со всей силы въехал ногой по борту машины.

– Алекс! Я слышал как Бернар на тебя орал. Что это было? – Фрам наконец соизволил обратиться ко мне.

– Я стоял тут с радиомаяком уже часов пять, один одинешенек, ну и немного уплыл от реальности. А связи то нет, мой личный передатчик был сломан, еще до того как я на эту планету попал. В тишине, да без дела целых пять часов, еще хорошо, что крыша совсем не поехала, а то бы сейчас хихикал в эфир и анекдоты рассказывал. – Я помолчал, набираясь храбрости и выпалил, – Фрам, что в агентстве то говорят? Когда передатчик то придет?

– Заказали, Алекс. Пойми, нам к двигателям запчасти не всегда присылают, а тут передатчик.

– И наколенник на скафандр. – Добавил я, уже окончательно потеряв берега.

– И наколенник. – Покорно повторил за мной Фрам, хотя я отсюда видел, как в восьмистах километрах отсюда у начальника экспедиции сжались кулаки.

– Все, мир праху его. – Вдруг послышался в эфире голос Гарсона, спасающий меня от стандартной морально-поучительной взбучки от Фрама.

Фрам не был человеком, который попусту орал на подчиненных или придирался к мелочам. Он был выше этого, матерый космонавт, он начинал работать еще под началом тех, кого теперь называли вторыми родителями космонавтики и ставили им памятники везде, где только можно. Фрам все прекрасно понимал и без напоминаний. Он знал, что мой скафандр неисправен, и вовсе не по моей вине. Он знал, что мой передатчик не может работать автономно, а только рядом с сильным источником радиосигнала. Он видел своими глазами, как предыдущему геологу раздавило ногу куском льда. После происшествия Гарсон починил скафандр,

но коленная пластина все равно теперь работала кое-как, не фиксируя чашечку и толком не защищая ногу. А в движении она скорее мешала, чем помогала.

Казалось бы, все просто, привезти запчасти с Земли и все. Но у нас были проблемы, проблемы которые от Фрама не зависели. А именно – финансирование экспедиции. Нильс Фрам, такой человек, что должен контролировать все, быть нам отцом, мамой и командиром в одном лице. И если что-то плохо делалось, и Фрам никак не мог на это повлиять, то он приходил в священную ярость от бессилия. Сейчас он злился, его седые волосы встали дыбом, но он никак это не выдаст, может даже пошутит. И все сдержит в себе, чтобы потом наорать на раковину в ванной.

– Гарсон, конкретнее. – Тембр голоса Фрама не поменялся ни на секунду, а благодаря помехам теперь вообще казалось, что говоришь с роботом.

– Совсем все. Движок умер. Целиком менять надо. Могу, конечно, что-то сделать, но это будет уже газонокосилка, по хорошему грунту можно проехать, в гольф поиграть, но это уже не вездеход. Да и не выберется отсюда он сам. – Гарсон тяжело вздохнул и застонал, ему всегда становилось физически дурно, когда кто-то гробил одно из его детищ.

– Фрам, надо думать… Ах, твою то мать! – Бернар всегда плевался от досады, и уже в тысячный раз только на моей памяти плюнул себе на забрало скафандра, которое теперь естественно не вытрешь.

– «Мальта-3»? – спросил совсем уж ставший механическим голос Фрама.

– Там якорь генератора еле жив. Да и если не учитывать этого, его сил не хватит. Мы даже в ущелье не спустились, по насыпи метров пятьдесят проехали и уселись по самые оси. Вон Алекс, с маяком стоит. Да и «экспертное» мнение Бернара гласит, что вездеходам тут не место.– Выпалил Гарсон, до сих пор только наполовину торчащий из моторного отсека.

– «Биргсон»? – сказал задумчиво Фрам.

– Этот хлам может и везет чуть больше «Мальты», но ему уже сорок лет, он развалится еще по дороге, вот стоит он под тентом на базе, как донор запчастей, вот пусть там и стоит впредь. – Высказался Бернар, относительно старого гусеничного вездехода стоящего сейчас на базе в восьмистах километрах отсюда.– Нам тут только новые вездеходы помогут, даже какой-нибудь «Кельт» прошел бы тут с буром, ящиком виски и десятью девочками. Может, подвезут нам пару списанных машин, а? Мы тут уж соберем рабочую.

Фрам молчал. Он не хуже Бернара знал, что даже уже считающийся устаревшим «Кельт» был на голову лучше «Мальт». «Мальты» уже использовались, когда я еще марал прописи учась писать первые буквы. Но Фрам и так давно давил на агентство относительно матчасти, чуть ли не ежедневно строча запросы, однако пока нам так ничего не прислали.

– Бернар, а без бура проедет «Мальта»? – сказал я, попутно проверяя батареи маяка, уже понимая, что простоит он теперь здесь достаточно долго.

– Без бура с одним водителем? – Гарсон перебил Бернара, только успевшего набрать воздух в легкие и высунулся из под капота. Он, неотрывно смотря на ущелье, постучал ключом по корпусу вездехода. Я видел что луч фонаря закрепленного на шлеме Гарсона непрерывно скакал по насыпи. Они с Бернаром быстро переглянулись и после кивка Бернара, Гарсон продолжил. – На дно ущелья точно спустимся, но толку то, без бура?

– Алекс, что-то можешь предложить? – сказал Фрам, его голос не выражал ни надежду, ни интерес. Я иногда не мог понять, что движет этим, не побоюсь сказать матерым волком. И это меня, честно говоря, пугало, иногда я думал, что лучше бы он орал не на раковину, а на нас, тогда хотя бы было ясно, что он чувствует, а тут игра, угадай настроение начальника исключительно благодаря собственной интуиции.

– Предлагаю со спутника или со станции бур в ущелье сбросить, прямо рядом с предполагаемым местом разведки. Потом на легкой «Мальте» тут проехать, до дна ущелья. Сами туда

спустимся на своих двоих и все, спокойно пойдем работать.– Предложил я просто, потому что кто-то должен был это предложить.

– Бур сломаем. Со станции попадем в ущелье, но точно сломаем. Со спутника не попадем, и значит тоже, точно сломаем. Селиванов не очень меткий. – Сказал Гарсон, при этом он явно проворачивал в голове всю операцию, хаотично вертясь на месте. Это его особенность, мысленный процесс у него всегда сопровождался странными, нервными телодвижениями

Гарсон здесь уже третью смену, сразу после института поступил сюда, даже домой ни разу не ездил. А Селиванов вроде как работает здесь и того дольше. Вероятно кроме Фрама, который как шутили, и родился здесь, они провели здесь дольше всех. Хотя учитывая, что смена идет два Земных года сам Гарсон, торчал здесь безвылазно уже почти шесть лет кряду.

– Я понял. – Сказал Фрам, и исполнив свистом незаурядную мелодию, которую передатчик превратил в вой циркулярной пилы, продолжил. – Значит так, Селиванов сейчас полетит на спутнике сбрасывать бур. Сломаем, так сломаем. Я сам на третьей «Мальте» приеду на времянку к завтрашнему утру. То есть часов через десять. Вопрос один, на базе остаются только Перес и Раджич. Это значит, что кто-то из вас должен Селиванову подсобить с земли?

– Я против этой идеи. И Селиванов промахнется, и мы, не зная толком, что в ущелье, собираемся туда пешком спускаться. Потеряем бур, потеряем «Мальту», да и сами опасности подвергнемся. – Сказал Гарсон, к этому моменту вновь окончательно скрывшийся в моторном отсеке второй «Мальты».

– У кого-то есть другие предложения? – Спрашивает Фрам.

– Сбросить «Мальту» прямо с грузом. А что? У нас ведь три вездехода. Ну, ладно, в сумме полтора. Можно сразу с экипажем. А что? Помоему неплохо выйдет– Заворчал Бернар.

– Ты серьезно?! – Фрам не сдержал грустный протяжный вздох.

– Нет, предложений. – После затянувшегося молчания, наконец, сказал Гарсон. – Но это все равно не выход, я считаю надо все еще раз обмозговать. А то, как сегодня, поторопились, решили «с наката»! И чем закончилось?

– Гарсон, – у Фрама в голосе появляются утробные нотки. – С вашего позволения, я воспользуюсь своим положением начальника экспедиции и приму этот план в исполнение. Еще недовольные есть?

В эфире молчание. Гарсон недовольно вылез из под капота вездехода, спрыгнул на лед и пошел в мою сторону.

– Фрам, я могу на связи с Селивановым посидеть. Как говориться инициатива инициатора.… Ну, вы поняли. Я за весь день максимум сотню снимков сделал, да килограмм образцов набрал. А ребята пусть отдохнут. – На самом деле я просто не хотел, чтобы Гарсон потом весь вечер строил из себя мученика, мол, пришлось на связи с Селивановым посидеть. Да и к тому же Селиванов все-таки мой соотечественник, всегда приятно поговорить с земляком.

– Хорошо, двигайтесь на времянку прямо сейчас, часа через три Селиванов уже будет на орбите. Конец связи.

– Нет, блин, здесь заночуем, устроим дискотеку, пригласим девочек. – Прорычал в микрофон Бернар.

Но Фрам уже отключился, за это время Гарсон уже прошагал мимо, бросив мне что-то вроде: «Ну ты даешь, малыш». А Бернар, поравнявшись со мной, хлопнул меня по плечу своей медвежьей лапой, наверняка он добродушно улыбнулся, но из-за отражающей поверхности забрала я этого не увидел. Я же напоследок, решил оглянуться вокруг.

Теперь вместо теплого моря, передо мной лежала ледяная пустыня испещренная скалами и впадинами. «Мальта» с открытой кабиной и зияющим моторным отсеком бесхозно лежала на склоне, плавно спускавшемся на дно ущелья. По левую руку от меня высились огромные каменные горы, выглядящие сейчас абсолютно черными и плохо заметными на фоне почти такого же темного звездного неба. Стоит заметить, что по сравнению с этой горной системой

земные Гималаи кажутся не более чем детской песочницей. И самое печальное здесь в том, что согласно программе исследований именно туда нам надо пробиться в течение одного земного месяца.

Возможно, вам могло показаться, что мы великие первооткрыватели или смелые авантюристы. Но нет, мы скромные люди, со скромными целями, мы – геологоразведка, ищем, что ценного можно увести с этого куска льда и камней. Первооткрыватели уже давно побывали здесь, сделали удачные фото с флагами и выпили поздравительное шампанское под поздравительную речь президента. Потом они улетели покорять дальше, и на их место пришли мы, те о ком в учебниках уже не напишут, простые работяги, ищущие, чем человечество может здесь поживиться.

Я поднял глаза к небу, на западе вместо солнца, прячущегося за разрушающейся горной цепью, величественно раскинув свои кольца, безумно быстро относительно пространства и в тоже время невообразимо медленно относительно моих глаз двигался в пространстве маленький Сатурн. Он всегда был в одной точке, придя сюда завтра, мы вновь увидим его там же. Даже когда моим прапраправнукам, зачем-то захочется побывать в местах боевой славы их предка, они смогут найти Сатурн ровно в той же точке где он расположен сейчас.

Я немного поясню. Дело в том, что спутник Сатурна, на котором мы сейчас находимся, всегда повернут к планете одной стороной, точно так же как с Земли мы всегда видим только одну сторону Луны. Этот самый спутник несется вперед, сияя в пространство перед собой своей ослепительно белой стороной, показывая вселенной только белоснежную улыбку, и пряча на невидимой, ведомой стороне темное пятно своего прошлого.

Я серьезно, там на той стороне тоже лед и по составу точно такой же, как здесь, но он смешан с космической пылью, отчего стал практически черным, в отличие от этого полушария, где лед, вероятно, самый чистый во всей изведанной человеком вселенной. Если суммировать то, что я только что сказал, то я нахожусь на планете одна сторона, которой полностью белая, а вторая полностью черная, ну это так, если уж совсем грубо.

Ну что ж мне кажется, я достаточно хорошо разрекламировал свое теперешнее место жительства, пришло время вас представить лично, знакомьтесь – Япет, он же Сатурн 8, двадцать четвертый по расстоянию от Сатурна его спутник и третий по величие. Япет, знакомься, люди, просто люди. Двуликое создание, которое хранит в себе множество непонятных тайн, которые нам надо раскрыть, но не просто раскрыть, а сделать это с максимально возможной выгодой для человечества.

Ладно, даже на холодном спутнике Сатурна, где на ближайшие несколько тысяч километров вокруг всего семь человек, включая меня, я умудряюсь найти место какой-то глупой романтике. Надо спешить на времянку, а то если не проследить что Бернар уснул на боку, то все сегодня спать не будем.

2

Думаю, что для понимания происходящего вокруг, мне стоит в общих чертах описать, как устроен быт работников космических экспедиций и как собственно устроен процесс исследований.

Первым делом на Земле прорабатывается план каждой конкретной экспедиции, ее цели и сроки ее пребывания на планете. Разумеется, на Япет отправлялась целая куча различных экспедиций, но к данному моменту они выполнили свои задачи и отправились домой, и здесь теперь работали только мы – геологоразведка. Селиванов любил рассказывать, что у него был головокружительный роман с блондинкой-красавицей магнитологом, когда те еще работали здесь. Но провал его в том, что Фрам хорошо помнил этих ребят и клялся, что в составе той экспедиции были только мужчины. С тех самых пор Бернар на полном серьезе стал избегать общества Селиванова.

Но я отвлекся, так вот в один прекрасный день группа ученых и чиновников выступает с докладом перед руководством «Агентства межпланетных исследований им. Р. Якова» (в народе мы просто говорим «агентство»). Если руководству все нравится в протоколе слушанья ставится дата и указывается, что допустим, экспедиция на Япет с целью разведки полезных ископаемых продолжительностью 6+ сроков одобрена. Обычно ученые определяют минимальный срок пребывания, то есть на Япете геологоразведка должна работать минимум шесть сроков (то есть двенадцать Земных лет), а на месте уже решают вопрос о продолжении.

Потом агентство нанимает персонал экспедиции, в соответствии с планом. На самый первый срок, на Япет отправилось сто пятнадцать человек, но это было обусловлено тем, что требовалось построить постоянный жилой модуль на самой планете. А сама экспедиция геологоразведки изначально состояла из двенадцати человек, и только после девятого срока персонал был сокращен до семи человек. Так вот, эти двенадцать человек заключают индивидуальные контракты с агентством пока на один срок с возможностью продлить его по соглашению сторон и готовятся к отправке на планету. Строители же заключают контракт как обслуживающий персонал и по окончанию своей работы отправляются домой. Все, когда бумажки готовы, агентство готовит необходимое оборудование и отправляет его вместе с людьми к цели.

На каждый срок агентство выдает работникам строгий план. Первый срок геологоразведки на Япете ограничивался «помощью в возведению жилого модуля». Второй уже заключался в том, чтобы исследовать квадрат такой-то произвести там-то бурение и в таком духе. В плане на каждую операцию отводилось строго определенное время, если экспедиция не укладывалась в лимит, то им делали выговор с занесением, за повтор штрафовали, а за третий провал ставили метку в личное дело о некомпетентности и отправляли домой.

Сейчас на Япете шел двенадцатый срок геологоразведки. И сейчас программа предписывала нам достичь основания горной цепи, которая опоясывала весь спутник по линии экватора и произвести ряд исследований в строго определенных точках. Вам могло показаться, что мы тут только вездеходы ломаем и при жестком графике никуда не успеем. Но в агентстве работали не конченые идиоты, они ставили разумные сроки, зная как тяжело порой приходится в космосе. К тому же чиновничий аппарат агентства на 85% состоял из людей, которые сами отработали по десять, а то и больше сроков в космосе.

Сейчас мы даже шли с небольшим опережением, но тот факт, что наши устаревшие вездеходы не могли пройти по насыпи на дно ущелья, которая образовалась благодаря попаданию метеорита прямехонько в отвесную стенку ущелья. Все несколько усложнил тот факт, что насыпь на фотографиях выглядела чуть ли ни как шоссе на дно ущелья. Но на деле оказалось,

что метеорит разбил стену в мелкий ледяной песок и теперь по нему можно спокойно пройти пешком, но техника упорно вязла и выходила из строя.

Это что касается самой организации, теперь пару слов о нашем быте. Исследователи базируются в ЖМБВ в науке «Жилой модуль большой вместительности», в народе просто «база». Представляет собой капитальное сооружение, рассчитанное на одновременное проживание в нем до двухсот человек. Тут есть все, посадочная площадка, ангар с техникой, склад, кают-компания, столовая и твой личный сортир в твоей личной комнате. Это – наш дом. С момента подписания контракта и до его окончания ты даже официально зарегистрирован здесь.

Но на деле мы проводим на базе максимум неделю к ряду между выполнениями очередных пунктов программы. Постоянно на базе сидит только врач и то он, то и дело куда-то выезжает.

Во время исследований в отдаленных районах, дальше сотни километров, мы живем в ЖММИ «Жилой Модуль Многоразового Использования», аббревиатура естественно приводила в восторг русскоговорящих, но прижилось прозвище «времянка». Что это за зверь? Это небольшой прямоугольный металлический модуль, окрашенный в яркие цвета и имеющий собственную систему посадки. Модуль рассчитан на проживание в нем четырех человек. Внутри него есть спальня, ванна, столовая и рубка. Все, а хотя нет, еще предбанник, где мы оставляем скафандры. Вот такие королевские апартаменты.

Установка времянки происходит следующим образом. Пилот спутника, состыкованный с времянкой, выходит на заданную программой орбиту и в нужный момент сбрасывает времянку на землю. Где та в идеале используя свою собственную тягу благополучно садится. Что происходит один раз из десяти. В остальных девяти случаях времянка сильно ухается об грунт, проваливается в грунт или просто неровно приземляется. Разумеется, потом в ней обязательно что-то не работает.

Например, в этот раз у нас отказал водонагреватель, из-за чего душ приходилось принимать с криками, а о горячем чае пришлось забыть. Но это, как я теперь знаю, совершенно нормально и совсем не беспокоит. Недавно мы отправились на бурение скважины с Раджичем, а у времянки отказал генератор кислорода. Пришлось две недели жить в скафандрах, и питаться медицинским внутривенным питанием. Когда мы сильно похудевшие вернулись на базу и наконец, скинули скафандры, стояла такая вонь, что Гарсон, встретивший нас у шлюза требовал прислать ему с Земли психолога для преодоления этого стресса.

Опять я отклонился от темы, так вот, времянка приземляется и ждет пока с базы на вездеходах приедет экипаж. Экипаж приезжает и выполняет поставленную задачу. После чего с гордостью уезжает домой на вездеходе. Времянка включает двигатели и выходит на орбиту, где болтается до тех пор, пока ее не заберет спутник. Который, пристыковавшись, вернет ее на базу для ремонта. Вообще на базе было три времянки, но одновременно в работе я больше двух не видел.

Вы можете спросить, а почему же не высаживать и забирать людей сразу внутри времянки? Ответ: то, что времянка приземляется мягко, справедливо только для металлических изделий, а вот люди могут серьезно травмироваться при приземлении. Да и вездеход тогда тоже придется сбрасывать, что превратит его в хлам. Что касается взлета, то нас удерживает только, то что тогда придется бросить вездеход, ведь он то летать не умеет.

Справедливости ради стоит сказать, что уже лет пять используют времянки большой грузоподъемности, рассчитанные на девять человек. Которые действительно мягко садятся и используют специальный бокс, где можно зафиксировать вездеход, на магнитных захватах. Но, как вы уже догадались, Япет не самое передовое направление исследований. Посему прогресс до нас еще не дошел, и вряд ли дойдет в ближайшие пару лет.

Пока с вас хватит информации. Итак, мы отправляемся на времянку ждать Фрама с вездеходом. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы побыстрее добраться до времянки и лечь

спать, чтобы к приезду Фрама быть как огурцы. Правда, я вызвался помочь Селиванову, но все-таки, это не радиомаяк собирать в полном одиночестве посреди ледяного шара. Посидеть в рубке, это как в отпуск отправиться.

За полтора часа мы, наконец, добираемся пешком до времянки, приземлившейся в двух километрах от ущелья. Гарсон всю дорогу пока у меня еще была связь от «Мальты», попеременно проклинал Бернара, Селиванова и Господа нашего. А когда мой передатчик включился уже около времянки, я снова услышал поток стенаний Гарсона, о том, что на Япете все держится на нем, на нем и его шуруповерте. Судя по тому, что Бернар все время молчал, можно было сделать вывод, что тот отрубил передатчик, как только мы тронулись обратный в путь, и сейчас шел в полной тишине, не обращая внимания на Гарсона, за это время перешедшего на поливание грязью агентства. Бернар давно в космосе, он легко справлялся с тишиной, чем я еще не мог похвастаться. Каюсь, я даже вздохнул с облегчением, когда появилась связь, и я услышал браваду Гарсона.

По прибытию на времянку Бернал сжевал паек и сразу отправился на боковую. Убедившись, что тот лежит на боку Гарсон пошел в душ, чтобы поругаться там еще и на холодную воду. Я же отправился в рубку, маленькое помещение метр на два, и уселся в операторское кресло, ждать когда Селиванов возьмется за дело. Передо мной был ряд мониторов, и на одном из них медленно вращался шар Япета очень похожий на теннисный мяч.

Поясню, дело в том, что Япет не был ровно разделен на светлую и темную часть. Оба полюса были покрыты белым льдом, тогда как у экватора темный лед заметно вдавался вглубь светлой стороны, отчего и возникало это сравнение.

Сейчас на этом экране была отображена только орбита станции, на которую нам привозили с Земли провизию и оборудование, станция всегда работала в автоматическом режиме и не имела экипажа. Хотя Гарсон говорит, что когда он работал здесь свою первую смену, там еще работал отряд картографов, приписанный именно к станции. Но они, выполнили свою работу – составили карты всего, что только можно было на светлой стороне и спокойно отправились домой. Теперь на Япете осталась только геологоразведка, станция же работает только как буферный пункт и заправщик.

То, что орбита была одна, означало, что Селиванов еще не вывел спутник на стационарную орбиту, ведь как только он это сделает орбита спутника сразу же отобразиться на дисплее. Меня всегда немного удивляло, почему человечество придумало двигатель, который может без проблем доставить экипаж куда угодно в солнечной системе за довольно разумное время, так к примеру, до Япета я добрался за шесть недель, и это учитывая заход на пояс астероидов по дороге. Но так и не придумало двигатель, который позволил бы свободно перемещаться по самой планете и приземляться куда угодно. Агентство платило огромные деньги, чтобы у нас были корабли как в научно-фантастических книгах. Но в новостях то и дело появлялись фотографии обгоревших обломков и отчеты о крушениях.

Поэтому, система доставки грузов с Земли была следующей: к станции пристыковывался межпланетный корабль, и закидывал в ее трюм груз, а в кают-компанию персонал, если это был конец смены. Если мы что-то должны были ему оставить, он забирал это. Так же забирал радостных людей, которым пора было возвращаться домой. Хотя говорят что одного человека проведшего десять сроков к ряду на Марсе, и отправленного на пенсию, силой запихивали в межпланетник, а он плакал и сопротивлялся. Ну, это правда его проблемы, в основном люди так рвались домой, что иногда даже не давали толком пристыковаться межпланетнику и, сбивая только что прибывших с ног, занимали места.

После погрузки-разгрузки межпланетник расстыковывался и летел дальше по своему маршруту. С постоянной базы на поверхности планеты взлетал спутник. Он выходил на орбиту станции пристыковывался к ней, забирал груз и людей, дозаправлялся и приземлялся назад на планету. Приземлится где-либо еще, кроме специального посадочного места, спутник не мог.

Ибо без специальной наземной площадки, оборудованной безумным количеством различных датчиков, и страховочных устройств, он бы просто разбился.

Оборудованных площадок, на которые мог бы сесть спутник на Япете было всего две. Одна из них и есть наша основная база, незамысловато именуемая «ЖМБВ-2» расположенная на светлой стороне спутника в его южном полушарии. Если быть более конкретным местность, где она находится, называется Земля Сарагоса, название этому месту дали еще в двадцатом веке, и я к своему стыду понятия не имею, что это значит.

«ЖМБВ-1» располагалась в северном полушарии на темной стороне, эта местность называлась Областью Кассини. Ее хотели разобрать, но потом решили просто законсервировать до лучших времен, вдруг, мол, пригодится. База находилась недалеко от границы темной и светлой зоны, однако она была законсервирована настолько давно, что даже сам Фрам тогда еще имел юношеские усики и ухлестывал за Хельгой из параллельного класса. Хотя наверно он уже родился старым, седым и суровым. Есть мнение, что он строил врачей в роддоме, а матери составил график кормления со строго рассчитанными дозами учитывающими погрешность измерений.

ЖМБВ-1 не обсуживалась давно, и вероятно уже не была пригодна не то, что для расконсервации, а даже на лом. Единственное что сейчас гарантированно на ней работало это как раз посадочная площадка. И то я не уверен, что кроме маяка там что-то еще работает. «ЖМБВ-1» утратила свое значение, когда геологи полностью изучили темную сторону Япета, и границу светлой и темной зон, тогда то стало ясно, что ничего интересного кроме льда, пыли и камней там нет. Агентство собиралось вообще оставить Япет в покое. Но какой-то ученый подготовил новую программу, и шарманка закрутилась по второму кругу. Правда финансирование дали куцее, оставив старое оборудование и порезав экипаж до семи человек.

В переходную смену одновременно консервировали старую базу и строили вторую. За одну смену, то есть за два года «ЖМБВ-1» стал историей а «ЖМБВ-2» новым домом для исследователей. Хотя, честно говоря, изучение светлой стороны тоже ничего толком не приносило, и нас, не дав, толком закончить хотя бы годичную программу, перевели на изучение горного хребта, который опоясывал весть спутник по экватору. Я уже был здесь что-то около шести месяцев, когда пришел приказ изменить цель и перенести работы на много километров в сторону хребта.

На самом деле, если быть честным, теперь стоило бы возвести третью базу поближе к хребту, но пока на Земле долго и муторно обсуждали рентабельность этой идеи и прочие бумажные вопросы, нам приходилось возводить сильно удаленные временные станции, и мы метались между ними и базой, иногда тратя на это недели.

– Селиванов на связи, Селиванов на связи, есть кто на времянке? – задумавшись, я прозевал момент, когда на дисплее появилась еще одна орбита, указывающая орбиту спутника.

– Вечер добрый, в эфире Алекс Кириллов, и с вами вечернее шоу «сбрось бур в ущелье». Как там погодка на орбите? – сказал я в микрофон.

– О, Леха, здравствуй, тысячу лет не слышал тебя! На орбите неплохо, но у нас снова кислород из станции истекает.

– Да мне кажется, он и не прекращал этого делать. – Не удивился я, представляя себе шлейф газа, тянущийся от болтающейся в пространстве пожилой станции.

– Алекс, говори на едином. Фрам снова орать будет, если услышит в эфире не единый язык.

– Извини, – я густо покраснел. Даже не заметил, что с самого начала отвечал Селиванову на русском. Это считалось очень плохим тоном, ведь остальные тебя не понимали. Даже Бернар и Гарсон никогда не говорили между собой на французском. Иногда Гарсон на нем ругался, ну это правда, уже совсем доведенный до отчаяния. А я дал маху, да еще и в эфире, Фрам мне уже пару замечаний делал. – Гарсон вон с Бернаром вообще не говорят на родном, странно, да?

– Бернар Канадец, он французский только в школе учил и то только поздороваться может и спросить, где вокзал. – Я слышал, как от души веселился Селиванов, говоря это.

– Не знал. – Я еще гуще покраснел, уже полтора года здесь, а даже не знал что Жан Луи Бернар канадец, а не француз. – Ну, я правда даже не замечаю иногда перехода, спонтанно начинаю на родном лепетать. Извиняюсь. Фрам, если ты это слышишь, мне очень жаль.

– Привыкнешь, к третьей смене уже забудешь родной, только на едином сможешь говорить. А на станцию, не клевещи, когда-то все было хорошо. Давно, ты еще под стол пешком ходил.

– Дедушка, ну не обижайся!

– Жопу надеру тебе, как увижу. И конфеты спрячу. До нового года ни одной не получишь.

– Ну, дееееда?

– Нет, сказал ни одной, значит, ни одной.

Пока мы с Артемом перекидывались легкими оскорблениями, я видел, как орбита меняется и в какой-то момент она пролегла ровно над заданным ущельем.

– Так, есть орбита, корректировка верна. Тём, ты над ущельем, когда будешь?

– Через полчаса где-то. Надо еще корректировать?

– В целом ровно над ущельем пройдешь километров восемь. Стоит маневрировать, только если хочешь побольше себе времени на сброс выгадать.

– Да восьми километров за глаза, ущелье, правда, восемь метров всего в ширину. Может, где расширение есть скинуть?

– Оно на всем протяжении такое. Не шире, не уже, очередные тайны местной природы.

– Что есть, то есть. Говорят Бернар «Мальту» снова поломал?

– Да эти «Мальты», они же старше тебя. Там еще электродвигатель стоит.

– Вот ты не поверишь, а даже не обидно, когда я приехал сюда «Мальты» уже в гараже стояли и первая уже под тентом, вроде как устаревшая техника. Наивные, думали, скоро новые привезут.

– Мы с радостью их на пенсию отправим, я готов даже с проводами помочь материально.

– Малыш, если бы ты тут хоть один ценный камешек нашел, тебе бы и вездеходы, и женщин, и какао с чаем привезли бы. А так уже лет пятьдесят как человек на Япете и ничего тут нет, думаю, через пару смен вообще закроют программу, поэтому и урезают нас в оборудовании окончательно, хлам, присылая, списанный на замену, или вообще ничего.

– И куда ты после Япета поедешь?

– Меня-то уже лет пять зовут на Пане поработать. Мол, хороших пилотов мало. На три смены зовут сразу, с отпуском после второй, денег в три раза больше предлагают. А потом можно и на пенсию, или поближе к цивилизации, где женщины не только в скафандрах и форме ходят. Но не уверен я на счет Пана…

– В чем подвох то?

– Да ни в чем. Пан прямо в кольцах Сатурна находится, оттуда их и изучают. Спутник-пастух. Камешков там много нашли и лишайники всякие, поэтому денег и много. Правда, работы выше крыши. Но думаю туда уже после этой смены пойду, хотя и здесь попривык уже…

– Дерзай, что ты?

Все люди солнечной системы знали, что Селиванов замечательный пилот. Но он упорно игнорировал все предложения и смена за сменой тянул лямку на Япете. Хотя всегда делал вид, что вот прямо завтра уже куда-то полетит. Сейчас вот ему предлагали работу на Пане. Год назад сюда лично прилетел руководитель экспедиции на Фебе (тоже спутник Сатурна), предлагал вот прямо сейчас выкупить его контракт и ехать туда.

Проблема в том, что от Фебы в космос постоянно срывает пыль, рельеф меняется прямо на глазах, ничего не видно, а приборы показывают все что угодно, но не то, что на самом деле, ибо много магнитной руды. На тот момент они уже трех пилотов загубили на этой планете,

вместе с кораблями, руководитель был в панике и только что на коленях перед Артемом не ползал.

Деньги предлагал такие, что Бернар не удержался да ляпнул, что, мол, за такую сумму готов стать пилотом за то время пока они от Япета до Фебы долетят. Но нет, мол «контракт для Артема не пустой звук», не хочет Фрама бросать и тому подобное.

Вот таким образом Артем Селиванов неизменно оставался здесь и никуда не летел. Да исследовать Япет было очень интересно, очень уж много это небесное тело хранило в себе странностей, но среди бюрократов он никого не интересовал, и нам постоянно резали финансирование. Их можно было понять, они люди цифр. В коробочку с надписью Япет они положили хорошую пачку банкнот, а открыв через какое-то время, увидели дырку на дне коробочки, куда все деньги собственно и улетели.

Я сам с месяц назад позвонил в агентство и попросил контракт на еще одну смену без отпуска, они сказали что подумают. А через неделю мне на электронную почту пришли два контракта. Один из них предлагал две непрерывных смены на Нереиде, это самый малоизученный из спутников Нептуна. Но от суммы у меня зашевелились волосы. Там платили за месяц как тут за полгода. Из сопроводительного письма я узнал, что руководитель той группы студенческая подруга Фрама. И что Фрам меня очень рекомендовал. Я пока не говорил об этом с самим Фрамом, все никак не решался прямо спросить, почему он меня хочет спихнуть, вроде неплохо работаю, иногда конечно прогораю немного, но это же моя первая смена в космосе, я только учусь.

– Пять минут до точки сброса. – захрипел попавший в магнитную аномалию Артем.

– Все идеально. Постарайся только как можно ниже его сбросить.

– Алекс, там горы, ниже не получится, ну совсем никак.

Второй контракт пришел от моего научного руководителя из института. Он, наконец, выбил себе финансирование и в следующую смену был бы рад видеть меня в составе экспедиции на Ио спутнике Юпитера. Ио был уже перелопачен вдоль и поперек, но пару вопросов оставил. Один из них мой ментор и хотел снять за двухсменную экспедицию. Денег сулили столько же, сколько и тут, но по сравнению с Япетом, Ио был курортом, где уже даже был возведен подземный город и налажена система транспорта. Более того между сменами был обязательный годичный отпуск, делай что хочешь. И да, женщины там уже начали понемногу прихорашиваться.

Нона оба письма я ответил, что подумаю еще пару месяцев. А сам еще раз позвонил в агентство, спросив про контракт «именно на Япет». В ответ они мне еще раз переслали те же два контракта, без лишних слов и пояснений.

Это значило, что как минимум геолог тут точно больше не потребуется, ибо по правилам агентства, если человек занимает место, глава экспедиции доволен им и он хочет продлить контракт, ему его предложат вне зависимости от других кандидатов. И тут вывод может быть однозначным – следующая смена будет консервировать базу.

Это, кстати, косвенно подтвердил Гарсон, с глазу на глаз сказав, что получил, помимо контракта на еще одну смену, предложение отправиться на Ио. Он не особо распространялся о том, что думает, сказав что-то про отпуск, но взял с меня обещание, что если я поеду на Ио, то ему об этом скажу.

– Готов? – зашипело радио.

– Всегда готов.

– Следи, пара минут.

Я уставился на другой дисплей, там тоже был шар Япета но здесь были помечены все радиолокационные маячки. Вон база, где были отмечены Перес и Раджич, от базы уже порядочно сместился маячок «Мальты» на котором был помечен Фрам. На маяке времянки стояли три пометки Бернар, Гарсон и я. Где-то на темной стороне неизменно автоматически отзывался

на запросы маяк «ЖМБВ -1». А двигаясь над поверхностью изображенной планеты, приближались к нам два маяка спутник Селиванов и «Бюр». Селиванов был мастером в двух вещах: он был, вероятно, лучшим пилотом возле этой звезды, и только он мог написать на едином языке слово из трех букв с ошибкой.

Я масштабировал ущелье на дисплее, так чтобы видеть момент сброса бура. Наконец появилась быстро движущаяся точка. И в момент, когда маяки «бюр» и спутник разделились, передатчик заорал.

– Сбросил груз.

– Вижу.

Маяк спутника за секунду исчез с дисплея, а бур тем временем рухнул в ущелье, он упал точно туда, куда и надо, но почему-то маяк продолжал двигаться по дну ущелья. Ох, не провалился бы он в какую-нибудь пещеру. Тут вдруг сигнал бура исчез, я тут же поставил метку туда, где он только что был и связался с пилотом.

– Селиванов?

– Видел, ты зафиксировал?

– Да, до тебя еще метка просто не дошла.

– Думаешь, поломали?

– Думаю, как бы он, куда не провалился, тогда точно пиши, пропало.

– Ну, так работы даже меньше будет. Вы же этого и добивались, погрузить бур, чем глубже, тем лучше.

– Да, так в отчете и напишем, мол, придумали инновационную систему бурения, скидываем бур в точку с воздуха, потом смотрим на то, что осталось от бура и фиксируем результат. Блеск, можем кандидатскую писать. Тема: «Моментальное бурение, высоко-воздушной техникой погружения». Настоящая беда в том, что второй то бур на «Мальте» посреди насыпи стоит.

– Е-мое! Ладно, что делать то?

– Давай так, сделай еще виток и по метке сделай фото в высоком разрешении, фото мне отправь, а завтра утром я с Фрамом заседание устрою, будем думать.

– Договорились, заложу виток и на станцию, заправлюсь. Заодно и гляну, что там с кислородом.

– Понял тебя, ладно, не переживай, все хорошо сделали. Завтра его выдернем и поедем спокойно работать. Протокольная запись: Кириллов, подтверждает выполнение задачи, конец связи.

– Селиванов, подтверждаю выполнение задачи, конец связи.

Традиционно отреагировав на традиционное протокольное прощание, я вырубил радио. Пора спать, в душ утром схожу, ледяная вода очень хорошо бодрит, а сейчас я хотел только две вещи: спокойно съесть сухпай и не менее спокойно лечь спать.

3

В институте на протяжении семестра у нас был общий курс психологии. В ходе этого курса нам объясняли в большей степени прикладные вещи: как бороться с космической тишиной, как не умереть от скуки на планете где кроме тебя всего пять человек и как не начать бить людей, с которыми ты неразлучен вот уже два года и их физиономия постоянно мелькает перед глазами.

Никто особенно серьезно не относился к этому курсу, но в агентстве строго следили за психологической подготовкой своих работников, поэтому схлопотав на первой сдаче неуд по психологии, ты гарантированно занимал бумажную должность, а с удовлетворительной оценкой тебя вряд ли пустят куда-то дальше луны.

Поэтому нам, будущим исследователям космоса, каждый из которых явно не страдал заниженной самооценкой и ясно чувствовал, что именно он скажет новое слово в исследованиях космоса, приходилось сидеть на скучных лекциях по какой-то ерунде и внимательно слушать.

Шел четвертый курс. Я уже отрастил себе гигантское, почти задевавшее облака, эго. В основном благодаря полученной накануне именной стипендии имени великого геолога Алехандро Аяра. Мне дали ее за соавторство проекта новой методики бурения для работы в условиях нестабильного грунта. Мой руководитель получил на этой работе докторскую степень и именно с тех пор начал выбивать финансирование для экспедиции на Ио, только теперь уже с помощью своего имени.

Сейчас, когда я немного поднабрался опыта, то понял, что вся моя работа лишь утопия. И папка с этой работой вряд ли когда-либо покинет заслуженную дальнюю полку в архиве агентства. Мне теперь даже немного стыдно за заключительные слова о том что «это, несомненно, новое слово о работе геологов в сложных условиях». Прошло всего полтора года как я попробовал настоящую работу, а я уже понимаю почему действующие специалисты откровенно спали на защите проекта. Все снова упирается в деньги, за те средства, что потребовались бы для постройки одной шахты по этой технологии, можно было бы взорвать эту планету собрать среди обломков все ценное и собрать планету заново.

Но это сейчас я стал намного скромнее и может быть чуть-чуть умнее, но тогда я просто парил в лучах славы. И именно тогда мое эго споткнулось о психологию. Я уже видящий себя начальником экспедиции, был посажен в лужу в середине семестра нашим преподавателем по психологии.

Прямо на групповом занятии она сказал: «Алекс, послушайте, может вы и неплохой геолог, но в команде вы работать не умеете. Нельзя чего-то добиться, слушая только себя, и даже не пытаться услышать мнение других. Я бы порекомендовал вам серьезно отнестись к психологии или я буду рекомендовать вас на не выездную работу».

Это было самое крупное фиаско в моей карьере. С того дня, меня периодически осаждали, но «вызов принят, Амиго» я не сдавался и назубок выучил все учебники входящие в программу. Я должен был показать этому доморощенному диванному космонавту, что усадить меня за стол, где я буду до пенсии разбирать отчеты своих более удачливых коллег, ему не удастся.

Я сдал экзамен настолько здорово, что слышал, как у дверей аудитории все громко шептались, удивляясь моему знанию абсолютно всем безразличной психологии. За всю историю наш преподаватель не изменял одному правилу: ставить «отлично» только одному человеку на потоке. И вот я сидел напротив него и ждал, когда он выставит мне заветную пятерку.

– Алекс, потрясающая подготовка. Но я вынужден поставить вам «хорошо».

– Вы что? Вы предвзяты! Да, как вы… – я заметно повысил голос, чуть не вскочив со стула от ярости, но он протянутой ладонью остановил меня.

– Кириллов, если вы сейчас догадаетесь, за что я поставил вам четыре, то я поставлю вам вполне заслуженное пять.

Я сидел и клокотал от ярости. Из-за его замечаний я перелопатил весь курс и вероятно знал его даже лучше чем он. Он просто издевается! Да если бы он не макал меня в грязь, то я бы вообще не взялся бы за…

Я с силой ударил себя ладонью по лбу.

– Господи! Манипуляция. Вы мной манипулировали весь семестр! Вы вселили в меня неуверенность и знали, что я упрусь и все выучу. А на экзамене, буду сидеть, выпятив грудь и рассказывая назубок все то, что остальные прочитали лишь мельком. – Я чувствовал, как краснею.

– Кириллов, пять!

– Теперь, даже не знаю, заслужил ли.

– Алекс, хотите на чистоту? Я тоже попался на эту удочку, когда учился. В начале семестра вы ходили, так высоко задирая нос, что задевали дверной косяк. Еще бы, именная стипендия, хорошие отметки по всем предметам, хорошие перспективы. Но я помню как, заметив это во мне, некоторые преподаватели начали давить на меня заставляя работать еще усердней. И только получая диплом с отличием, я понял, что если бы на меня никто не давил, то я бы провалился. Я бы так и летал на своем облаке пока думая, что теперь все получиться само собой, а потом оказался бы на работе в группе для дошколят которые мажут себе коленки зеленой краской.

– Трогательная история, как в кино.

– Это правда.

– Нет, – я погрозил преподавателю пальцем. – Это – неправда.

– Отлично, Алекс. – Преподаватель, наконец, наклонился к ведомости, где вывел мне жирную пятерку. – Как ты догадался?

– Во-первых, вы не поставили мне оценку и даже не собирались.

– Так, хорошо, а еще?

– Вы говорили тщательно подобранными словами, и говорили, смотря мне прямо в глаза искренним и честным взором. А люди так делают когда врут.

– Молодец. Свободен.

Я встал из-за стола и пошел к двери. Но, уже взявшись за ручку, обернулся к преподавателю.

– Дверной вопрос? – спросил он.

– Да, когда человек покидает место разговора и задерживается в отдалении, то вероятно он хочет задать вопрос, который его на самом деле беспокоит. – Ответил я.

– Верно, Алекс. И так, каков твой дверной вопрос?

– Кто попросил вас давить на меня? Ведь вряд ли вы сами решили так крепко за меня взяться? Мы знакомы полгода и никогда раньше не пересекались, но вы сразу взяли меня за рога.

– Подтверждаешь пятерку! Твой руководитель. Тот под чьим началом ты добился успеха.

– Не понимаю.

– Ну, для начала, он действительно хороший руководитель, и видел, что ты немного зарвался. Но он боялся что, попросив об этой услуге кого-то из тех, кто преподает вам основные предметы, он подпортит тебе учебу. Ведь мой курс маленький, мы с тобой больше не увидимся. А с другими ты пойдешь до конца.

– Вы знаете, а мне нравятся, в глубине души, эти методы. Чувствую себя оплёванным, но все это очень интересно.

– Возьмешь дополнительный курс?

– Конечно.

– Так! Я сейчас пятерку на четверку исправлю.

– Исправляйте.

Конечно, ничего он не исправил. А на пятом курсе я получил дополнительную специальность: «Специалист по конфликтным ситуациям в отдаленном космосе». Эта работа завела глубже в рабочие дебри и далее я написал работу о совместном труде с гляциологами в условиях полной изоляции, что несколько растопило сердце декана факультета гляциологии, и я прошел у него обучение по курсу: «Геология и гляциология на удаленных небесных телах».

И если психология никак не повлияла на мою дальнейшую судьбу, именно дополнительное образование в области гляциологии позволило мне рассчитывать на что-то большее, чем сокурсники.

И к концу института моя карьера уже была предрешена. Я с первой смены получу место в дальней экспедиции. Для меня это было достижением, ведь обычно выпускников берут на ближние рубежи, чтобы в случае непредвиденной ситуации сразу отправить их домой. Но я получил рекомендации, имел за плечами много работ по дальнему космосу и… Просидел со всем этим на Земле лишних три месяца. Все сокурсники успели улететь на Луну, Марс и Венеру. Кото-то даже успел вылететь оттуда и вернулся на Землю работать с бумагами или в институте. А меня никто не хотел брать, ведь это огромный риск взять юнца в дальнюю экспедицию. Приходилось ждать место, куда никто здравомыслящий не пойдет, и поэтому возьмут любого.

Но когда в агентстве уже стали осторожно предлагать мне контракт на Марс, появился Фрам. Мы нашли друг друга. Меня никто не хотел брать на дальние рубежи из-за юности, а после серьезной травмы прошлого геолога, полученной из-за устаревшего оборудования, никто из опытных ребят лететь на Япет решительно не хотел.

Так я и попал сюда. Однако, к чему эта история? Да к тому, что психологи просят нас запоминать свои сны и по возможности фиксировать их. И если сны начнут нас беспокоить, то надо обращаться к врачу. Перес, наш врач, всегда внимательно слушал нас, делал записи и давал рекомендации.

Однако Бернар как то сообщил мне, что Перес просто рисует каракули у себя в папке, периодически кивая, а потом просто дает антидепрессант. Дозировка зависит от того как часто он видел тебя в последнее время.

Так вот сегодня мне в пятый раз приснился тот же самый сон:

Я поднимаюсь по трапу на ракету, что доставит меня на межпланетник. Я неожиданно оборачиваюсь и вижу, что к ракете бежит моя любимая. Из-за травмы она не может быстро бежать, однако во сне она бежит еще медленнее, как будто время для нее идет медленнее, чем для меня. Вдруг громкий голос начинает обратный отчет с десяти.

Я ясно понимаю, что мне надо попасть в ракету иначе я умру. Я поворачиваюсь к ракете, и только тут до меня доходит, что багажа у меня нет и вообще, я стою голый в домашних тапочках. Ну ладно, если быстро бежать, я наверно успею забежать в ракету. Голос уже дошел до семи, у ракеты начинают работать двигатели на малом газу и дверь закрывается.

Значит надо бежать от ракеты. Я со всех ног бегу с трапа, но тут попадаю в зону замедленного времени и еле перебираю ногами. Я паникую, пытаясь бежать, и кричу любимой, чтобы она разворачивалась, но звука нет, она продолжает бежать ко мне и при этом почему-то плачет.

Все, 5-4-3-2-1

И тут время замирает, я кончиками пальцев касаюсь своей любимой, чувствую прикосновение, но не могу пошевелиться, только кручу головой. Любимая что-то говорит, но я не слышу. Тут вдруг я замечаю, что прямо над головой довольно низко проплывает воздушный шар.

В корзине шара сидит мой преподаватель психологии. Он улыбается и машет мне. Как вдруг кричит: «Время для пилюльки!». Он достает огромную металлическую таблетку размером с колесо самосвала и бросает ее прямо в меня…

Я подскакиваю на шконке, и со всего маха бьюсь головой о низкий потолок времянки. Искры вылетают из глаз, и я достаточно громко ругаюсь. Я падаю назад на кровать и громко дышу, стараясь собрать сознание в единое целое. Но тут сквозь звон в голове я слышу непоправимое, Бернар, спящий на нижней полке, не просыпаясь что-то бормочет, и переворачивается во сне на спину. Давай, дружище, вертись дальше, просто ляг на другой бок. Поначалу мне кажется, что именно это он и сделал, и тишину на времянке нарушает лишь тихое сопение Гарсона. Но это затишье перед бурей, Бернар просто набирал в легкие больше воздуха. Храп, нет, не так, ХРАП разноситься по времянке. Я вижу, как кружка с кофе едет по прикроватной тумбочке. Все, сегодня я уже не посплю.

С завистью смотрю на Гарсона, он не проснется, он спит как мертвый, разумеется, если он успел уснуть раньше Бернара. И теперь все, разбудить его может только он сам. Ну, или его будильник, который звенит, так что эту вибрацию улавливает сейсмограф. Нет, серьезно, я проверял.

А я тем временем спрыгиваю с лежанки, делать нечего, сейчас пойду, попью и попробую уснуть на кресле в рубке. Хотя храп Бернара добивает и до туда, но там хотя предметы при этом не движутся по полу.

Я захожу в предбанник и впотьмах, спотыкаюсь о чей-то скафандр. Бернар, мать его, все время кидает свой скафандр прямо посреди предбанника, сколько раз уже из-за этого ругались. Я не удерживаюсь на ногах и падаю прямо на скафандр, я тихонько ругаюсь и потихоньку пытаюсь подняться на ноги так, чтобы снова не навернуться. Но тут я чувствую то, отчего у меня холодок пробегает по спине.

Дым. В предбаннике пахнет дымом. Пожар! Я вскакиваю на ноги и безжалостно отпихиваю от себя скафандр Бернара. Я подбегаю к блоку управления, врубаю во всей времянке свет и дергаю за рычаг пожарной тревоги. Систему пожаротушения, которая активируется вместе с общей тревогой, я пока не активирую, если ее включить то придется отправлять времянку на базу, и по правилам агентства необходимо будет провести очень въедливое и длительное, полное бумажной волокиты расследование этого эпизода. Все живое в радиусе многих тысяч километров услышит эту тревогу. А здесь может быть все еще не так уж плохо, может просто проводка искрит, залью огнетушителем, да обесточу рубку, и тогда уже будем думать.

Я хватаю огнетушитель, прямо как на учениях, мгновенно выдергиваю защитную заслонку, освобождаю раструб и влетаю в рубку, полностью готовый к борьбе с огнем.

И представьте удивление мирно сидящего в рубке Фрама и тихонечко курящего свою трубку. Конечно, это запрещено, но с нынешними системами вентиляции и выработки кислорода это скорее вопрос гигиены, чем безопасности, поэтому на курение табака в агентстве уже лет двадцать закрывают глаза.

Фрам смотрел на меня с еле сдерживаемым приступом хохота. Он краснел от натуги, но сдерживался, стараясь даже не улыбнуться, хотя у него это не очень то получалось. Я же стоял в дверях рубки весь в мыле с тяжеленым огнетушителем в руках, а по всей времянке громко орал сигнал пожарной тревоги.

Тут из спальни чертыхаясь, в одних трусах, но с огнетушителем в руках вылетел Бернар. Пробегая предбанник, Бернар задел свой же скафандр и со всего маху, потеряв на лету огнетушитель, растянулся на полу.

Он тут же вскочил на ноги, подхватил огнетушитель и, пропихивая меня вглубь рубки, сам ввалился в нее, направив раструб туда же, куда и направил его я. Только Бернар в отличие

от меня был человеком дела, и первым делом нажал на гашетку, а потом уже начал оглядываться по сторонам.

Через секунду Фрам уже сидел на кресле уже весь в пене. Бернар, сообразив что происходит, отпустил рычаг огнетушителя и теперь с «легкой неприязнью» таращился на меня. Фрам же откашлялся и выплевывая пену и заговорил:

– Ну, к слову сказать, в аварийной ситуации ты и Алекс сработали блестяще. – Фрам рукой медленно отирал пену с лица.

– Фрам, говорил я тебе, что твоя трубка мерзко воняет. Вон, даже, молодежь ее с пожаром путает. – Бернар хоть и пошутил, но продолжал сверлить меня гневным взором, я понимал, что от хорошей взбучки меня спасает лишь личное присутствие начальника экспедиции.

– Бернар, ты можешь идти спать. Кириллов, выруби сигналку, погаси свет и уберусь в рубке. Я пойду, сполоснусь, а потом мне следует с тобой переговорить. – Фрам погрозил мне пальцем.

Бернар на прощанье улыбнулся, изобразил недвусмысленный жест: «ну все, сейчас тебе будет плохо», и весьма довольный этим обстоятельством пошел дальше спокойно спать. Фрам тем временем тихонько напевал в душе, ледяная вода, как выяснилось, его тоже не берет.

А я, предчувствуя, что мне сейчас врубят по полной программе, может даже и до выговора дойдет, поплелся наводить порядок. Надо ж было так опростоволоситься? Облили начальника экспедиции из огнетушителя. Пускай и не я облил, но от этого не легче не стало, ибо Бернар пусть не злопамятный человек, но такого мне не спустит. Стоит ждать подвоха, натрут разогревающей мазью скафандр изнутри и все, целый день будешь пыхтеть, не в силах даже почесаться.

Я сидел в рубке, и чтобы хоть как-то скоротать тяжелые минуты ожидания наказания открыл фотографии ущелья, что скинул мне за это время Селиванов. Ущелье шло от основания горной гряды далеко на западе и шло параллельно хребтам, соответственно и экватору тоже. Однако в какой-то момент оно резко заворачивало на север, глубоко вдаваясь в горную цепь. Через сто пятьдесят километров на север ущелье быстро сходило на нет, за счет разрушившегося пика, засыпавшего ущелье своими обломками. Пик вероятно был уничтожен метеоритной активностью. В той области вообще не осталось высоких ледяных пиков, а было что-то вроде плато. Только вот плато это состояло из мелких осколков льда, а насколько эффективны против такого грунта наши вездеходы, мы видели на спуске в ущелье. Так что путь туда для нас закрыт.

Но ущелье, это наш шанс пройти на север, на целых сто пятьдесят километров в горы малой кровью. Сейчас мы должны были спуститься в ущелье и пробурить лед в той области, где ущелье начинает свой поворот на север. Таким образом, мы исследуем «молодую» часть горной цепи, заодно, может быть, немного проясним феномен образования самой горной цепи проходящей прямо по экватору.

Сейчас доминировала теория, согласно которой у Япета спутника Сатурна в свою очередь был небольшой спутник, который этот двуликий ледяной шар раздавил своей гравитацией, а затем притянул к себе осколки.

А значит, если мы найдем в горной гряде, какие-то инородные породы или просто лед иного состава, то подтвердим эту теорию. Так что призрачный шанс войти в историю у нас еще сохранился.

Но пока работаем вдали от «успеха», сейчас бурим на повороте, а потом, наверно через две-три недели отвезем бур по ущелью на сто пятьдесят километров вперед и там уже исследуем более древние горы.

Хотя я уже не был бы так уверен. Судя по высококачественному фото, бур пробил дно ущелья и улетел в какую-то пещеру. И теперь на фото красовалась лишь темная пробоина, уходящая куда-то вглубь, заодно немного обрушившая стенку ущелья. Я тяжело вздохнул.

– Как думаешь, сильно поврежден бур? – Фрам бесшумно подошел сзади, отчего я чуть не подпрыгнул в кресле. Кажется, я позвал маму, но это не точно.

– Да, кто его знает. Отверстие выглядит глубоким, но кто знает, что там внизу? – я, почему-то, стеснялся повернуться к Фраму. – Было бы хорошо, если бы Гарсон какого-нибудь самоходного робота собрал. Боюсь, как бы мы на подходе не провалились в эту самую пещеру. Рисковать людьми, пожалуй, не стоит.

– Не получится – Фрам деликатно не акцентировал внимание на этой шутке.

– И что тогда? Просто пойдем, как на прогулке?

– Нет. Будем действовать, как альпинисты – идти в связке, а Бернар на вездеходе будет ехать позади на безопасном расстоянии. Если первый провалиться, то на веревке повиснет. Если остальные и не вытащат, «Мальта» задний ход даст. У нас Гарсон альпинист, подскажет что да как.

– Звучит логично. – Повисла пауза, я все ждал кары, но ее не было. Я и с логикой похода был не согласен, в прошлый раз в альпинистском стиле ходили – было ой как не сладко. Я просто не хотел усугублять. Лучше бы Фрам разбил мне лицо, я бы хоть не мучился ожиданием. И тут я не выдержав, выпалил. – Извини за огнетушитель.

– Вот еще, ты это заканчивай. Все правильно сделал. – Фрам по-отечески улыбнулся и положил мне руку на плечо. – Я буду на редкость глупым руководителем, если начну подчиненных за выполнение инструкций наказывать. Комично, обидно, это да. Даже больше, я верен, что эта история войдет в сборник «лучших баек дальних экспедиций». Но ты все сделал так, как должен был.

– Спасибо. – А сам я почему-то до сих пор ждал, что начальник сейчас проломит мне череп.

– Прислушайся! – неожиданно оборвал мои мысли Фрам.

Я послушно обратился в слух, и понял, что не слышу самый сильный шум этой экспедиции. Не слышно как где-то в глубине времянки мерно работает трактор, который почему-то является человеком и зовут его Бернар.

– Можешь идти немного поспать. – Повелительным тоном сказал начальник.

– Фрам? – я встал со стула, но вдруг поймал волну бодрой смелости. Ой, несдобровать мне.

– Слушаю.

– Один вопрос.

– Нереида!. Я бы на твоем месте полетел туда. – Начальник мягко улыбнулся. Фраму даже не надо было слушать вопрос, он знал, что меня интересует. Его вообще отличал дар предвидения, он казалось, читал нас, как открытую книгу. И не только людей, даже сам Япет как мне казалось, вращался вокруг Сатурна медленнее, чем это осознавал Фрам.

– А здесь?

– Алекс, ты молод. Япет не лучшее место для тебя. «Боевое крещение» здесь ты прошел, достаточно, теперь пора и в старшую группу нашего межпланетного детского садика. Я рекомендовал тебя Кристиане, она замечательный руководитель. Там тебе понравится.

– Мне и здесь неплохо. Ну, я хотел сказать, что…

– Алекс, я не будут тут разводить сентиментальность. Я считаю, что твое будущее не здесь. Здесь вообще будущего нет. Соглашайся на Нереиду. – Он немного осекся, – Это, разумеется, лишь рекомендация.

– А что будет с Япетом?

– Уговор был на один вопрос, и я ответил, пока этого достаточно. Если с этим все, иди спать. – Это уже не терпело возражений.

Я повернулся на носках (обуться то я как раз забыл) и слегка ошарашенный отправился в спальню. Я оглянулся и посмотрел на Фрама из предбанника, так чтобы он не увидел, что я задержался.

– Я и сам не знаю, что будет дальше. – Сказал Фрам дисплеям и грустно улыбнулся.

Он теперь сидел на кресле и, поглаживая свою бороду, смотрел на фотографию ущелья. Вот он – капитан тонущего судна. Он видел шторм, видел рифы перед кораблем и осознавал, что ничего не может сделать. Все уже случилось, осталось дождаться последствий. Он наверняка знал лишь одно, что уважит морской закон и покорно пойдет ко дну вместе с судном.

Я тряхнул головой, иногда в нее приходили совсем уж странные и неуместные мысли. А все почему? Потому что не выспался! Я развернулся и быстро пошел в спальню. Капитан сказал спать, значит спать. Да и завтра будет тяжелый день.

Все предстоящее не было сюрпризом даже для меня – зеленого новичка. Я уже ходил в альпинистском стиле по местным горам и не раз. Но мы всегда ходили по простым и проторённым маршрутам двойкой с Раджичем или Гарсоном. Раджич не очень-то альпинист, но опыта и силы в нем с лихвой. А здесь же мы пойдем целой толпой по «целине», как молодые туристы на Эвересте, ей богу.

Однако вместо того, чтобы сразу завалиться спать я зачем-то активировал личный терминал. Тот самый маленький компьютер, закрепленный на запястье. Заодно он являлся еще и личным идентификатором, и маяком. Если сорвать с руки терминал (а это надо постараться) все услышат сигнал тревоги и побегут спасать тебя. Сейчас я активировал его почтовые функции и видел два сообщения с заголовками «Нереида», «Ио».

Я уже догадывался, что хочу на самом деле сделать. Я уверен, что сейчас это сделаю. Но почему-то в секунды между принятием решения и его реализацией всегда становиться страшно. Я уже испытывал это, когда нас тренировали прыгать с высоты на балансных движках. Я знаю, что делать и как. Но сделать шаг с платформы не могу. Тысячи делали это до тебя и еще тысячи сделают после, но перед первым шагом всегда приоткрывается дверь комнаты, где прячутся два подстрекателя, одного зовут «может бросить это все», а другого «а вдруг именно тебе не повезет». Со временем я вообще научусь шагать в пропасть без участия этих парней, но пока с ними приходится считаться.

Нереида – это у черта на куличиках, дальше только планетоиды и пояс Койпера. Денег куча, да и прозябать там не придется, работы куча. Новая техника, и да, скафандр с рабочим передатчиком и целой коленной пластиной.

Но это так далеко. Еще два года вне дома, из отпуска они меня, скорее всего не дождутся, только прямой перелет. А ведь я не видел родителей уже полтора года. И ее не видел… Но, сейчас, это не так важно. Может на Ио? Оттуда можно будет пару раз за срок укатить домой на месяцок. Да и большой отпуск между сменами. А с Марса вообще можно домой каждые пару недель ездить.

Я ведь скучаю. По Земле, большому загородному дому, где я вырос. По Маме и папе, которые гордятся мной, но каждый раз плачут, когда заканчивается сеанс связи, и я говорю им что еду на объект и позвоню им теперь только через пару недель.

Если прилететь домой, придётся встретиться с ней, этого не избежать, она захочет объясниться, поговорить. Мои, и ее родители «невзначай» подострят нашу встречу. Она будет просить меня никуда не ехать, просить понять ее. Я выслушаю ее, и может, даже прислушаюсь к ее словам. С прошедшими годами я уже начинаю думать, что, наверно, она на самом деле ни в чем и не виновата, все дело в случае и правда, пора поговорить.

Но пока у меня отлегло не на столько. Я смотрю на дисплей, мой компьютер настроен так, что автоматически стирает сообщения от нее, я вижу только отчеты, о том, что программа стирает сообщения. «Несчастный случай»?! Спустя два года, я уже могу сказать, возможно, это так, вместо категоричного обвинения. Несчастный случай и правда, имел место быть, но

его нетрудно было избежать. Хотя, надо признаться, ей тоже было, тогда не сладко. Ведь если глубоко копнуть, я тоже могу считаться виновным, хоть и косвенно.

Я чувствовал, что сдаюсь и уже нахожусь на полпути до Ио. Все что произошло, произошло давно и былое немного поблекло. Стоит попробовать вновь, ведь меня еще тянет туда, где мой дом и где меня ждут. И вдруг, я со всей силы треснул кулаком о потолок времянки, все мое тело пронзило судорогой, от злости внезапно накатившей на меня. Я не медля ни минуты, открыл текст контракта на Нереиду, и ответил на письмо всего одним предложением: «Подтвердить и отправить на согласование?».

В ту секунду меня оставили все эмоции. Злость ушла куда-то далеко, а тоска по дому осталась там, где ей самое место, маленькой больной точкой где-то в груди. После этого я написал длинное письмо своим маме и папе. Рассказывая о том, как живу, что делаю и куда я вообще теперь собственно собрался, в конце, разумеется, пообещал позвонить им, как только вернусь на базу и появится связь.

И ей я напишу, обязательно напишу. Но пока время точно не пришло. Я уже начал принимать возможность нашего разговора, но пока не готов был в нем поучаствовать.

Я бегу как школьник, который отказывается признаться в любви девушке, которая давно не дает ему спать по ночам. Он уже понимает, что проще будет пережить ее отказ, чем мучатся дальше. Но он будет ждать дальше, будет ждать до тех пор, пока не увидит ее в объятьях незнакомца. Он сам завел себя в столь бедовое положение, но виновата будет она. И долгое время он будет терзать себя и всех близких этой странной утратой.

Конечно, моя ситуация не столь однозначна и места подростковой романтике здесь нет. Но я прячусь, даже осознавая, что могу опоздать, продолжая винить во всем ее. У меня есть шанс, но пока я им воспользоваться не готов.

4

Я медленно шел по дну ущелья стараясь шагать шаг в шаг с впереди идущим Гарсоном. Шли мы следующей очередностью: Гарсон, я, Фрам и где-то в пятидесяти метрах позади медленно плелась «Мальта», которую по возможности аккуратно вел Бернар. У него не очень получалось, в силу того что дно ущелья как выяснилось было не очень равномерным, пласты плотного льда с глубокими но достаточно узкими трещинами чередовались с участками мелкой ледовой крошки. Из-за этого «Мальта» то обрушивала снежный мост над трещиной, который спокойно выдерживал троих людей, после чего выбиралась оттуда с большими усилиями виляя по всему дну ущелья. То вязла в мягкой ледяной подушке, Бернар старался на этих участках вообще не работать штурвалом, но вездеход часто тащило куда-то в сторону.

Гарсон шел первым, потому что был самым легким среди нас и естественно, потому что на Земле почти всю студенческую жизнь провел в горах или на полюсах, участвуя в различных экспедициях. Это часть его натуры, он всегда должен был что-то делать, а остановка была для него просто недопустимой. Фрам шел последним потому что: «Я ничего не понимаю в этих ваши льдах, да и как самый крепкий, я больше помогу, вытаскивая вас из трещины». Что Гарсон перевел на свой лад как: «Я старый дурак, но жить мне еще хочется».

Вообще больше всего во льдах понимал вовсе не я, а наш штатный гляциолог Раджич. Но с Мирко Раджичем в последнее время творилось что-то неладное. В последние дни он стал дико раздражительным, на всех огрызался и в итоге сцепился с Селивановым из-за грязной кружки. У интелигента Селиванова не было шансов, если бы не эта самая кружка, метко ушедшая в ухо Раджичу. Пока Раджич приходил в себя Перес успел вкатить ему приличную дозу снотворного.

Фрам очень уважал сорокалетнего ветерана-гляциолога. Но не стал замалчивать этого эпизода. Раджичу не стали делать выговор за безупречную службу, но лишили зарплаты за два месяца, отстранили на месяц и направили на принудительное лечение вплоть до конца смены. Как итог, Мирко не покидал базу после той вылазки, в ходе которой мы остались без воздуха на времянке. Он откровенно скучал, делал вид, что работает с образцами, жаловался Пересу на сны про «хреномордых собак» и всячески доставал Селиванова.

Сегодня утром Фрам сказал, что агентство оповестило его о том, что Раджича переведут «куда-нибудь поближе», но сначала переправят на Землю – в отпуск. Сам Фрам полагает, что после отдыха Раджича переведут или на Марс или на пояс астероидов. Так же Фрам сказал, что по его решению Мирко не будет допущен к работе до конца смены, но не будет отправлен на Землю. Это значит, что Раджич просидит до конца смены на базе ничего толком не делая.

Не сказать, что я любил Мирко Раджича, этот парень обладал на редкость тяжелым характером и все время с кем-то ругался. И даже вечно недовольный Гарсон вызывал у меня больше теплых чувств. Но из-за такого поворота в жизни Раджича мне становилось его откровенно жалко. Кто знает, какие новости он получил перед дракой из дома? Кто знает, что накипело в душе у бывалого гляциолога? На его месте может быть любой. Только вот если Раджичу еще повезло отделаться «легким испугом», за такое вполне могли списать, а то и отправить на переаттестацию.

Хотя для человека проведшего больше десяти лет в далеком космосе, работа на Марсе, скорее всего, покажется скучной. Но он вернётся на дальние рубежи, только если безупречно отработает следующий срок.

– Повтори? – мы шли перекидываясь ничего не значащими фразами, просто чтобы не чувствовать тишину, глубоко погруженные в свои мысли, поэтому резкие слова Фрама заставили нас дернуться.

– Раджич, я тебя не слышу. – Тут и я начал слышать где-то в глубине помех, обусловленных ущельем, голос Мирко.

– Селиванов… Станция… Фрам… – Голос Раджича то вообще терялся, то тонул в пелене помех.

– Бернар? Передатчик в штатном режиме? – бросил Фрам.

– Да. Все работает, как должно. Ущелье, сер.

– Сер… Селив… Стан…

– Ушел сигнал. – Констатировал Гарсон.

– Что делать будем? – Спросил Бернар.

– Тревога у кого-то сработала? – спросил Фрам

– Нет! – нестройный хор трех голосов.

– Значит все нормально. Идем дальше!

Мы продолжили наше неторопливое шествие по ущелью. Только вот теперь оно проходило в полной тишине. Даже «Мальта», кажется, прониклась тревожной атмосферой и перестала вязнуть в ледовой крошке и метаться по всему ущелью. Теперь каждый из нас, раз в несколько секунд смотрел на свой терминал, проверить, не загорелся ли дисплей красным. Прозевать общую тревогу было невозможно, но у страха глаза велики.

Тревожная кнопка личного терминала сконструирована так, что случайные нажатия исключены. Более того, тревожными кнопками оснащены все скафандры, машины и каждый отсек на базе. Когда ты жал на кнопку, все личные терминалы начинали вибрировать и громко визжать. На базе включались все оповещатели как световые, так и звуковые. Все компьютеры первым делом выдавали координаты точки, где сработала тревога. Центральный передатчик оповещал агентство и ближайшие межпланетники о том, что у нас тут беда. Именно эту кнопку я не стал нажимать на времянке, когда увидел табачный дым из трубки Фрама.

В институте мы отрабатывали действия при тревоге ни один десяток раз. Поэтому каждый член космической экспедиции был знаком со своими действиями в случае беды. Но знаете, что гложет меня теперь? Ведь вчера я сам ограничился лишь световой индикацией, не став сразу нажимать на тревогу. Что если Раджич поступил точно так же не став торопиться и теперь на базе беда?

Я еще раз посмотрел на экран личного терминала, Гарсон повторил мое движение через пару секунд. Каждый знал правила безопасности, но каждый из нас сомневался сейчас в том, что на базе все хорошо.

– Знаете, что говорил мой отец, когда я решил уехать из дома поступать в институт космических исследований? – Фрам вдруг начал говорить таким тоном, будто мы вышли по грибы где-то в лесу под Осло, а не шли по опасному ущелью, рискуя либо попасть под обвал, либо провалиться в бездну.

– На Япете есть институт? – Буркнул Гарсон.

– Хорошая шутка. – Добродушно ответил Фрам. – Так вот, мой отец был ветераном последней войны.

Мы с Гарсоном синхронно обернулись, «последняя война», она же «третья мировая», закончилась пятьдесят восемь лет назад.

– Да, друзья. Я весьма почтенный старик, что уж сказать. Отец сказал мне: «Знаешь Нильс, когда я воевал за твое будущее, я думал, что будущее в том, что ты достроишь тот сарай на нашей ферме, а не в том, что ты поедешь строить сараи в космосе».

– Практичный человек. – Сказал Гарсон. – Мой дед тоже участвовал в той войне. Но он остался лежать где-то под Гданьском.

– Сарай-то достроил? – спросил я. Фрам крякнул, а Гарсон дал мне воздушное пять.

– Да куда там. Я дома не был уже лет сорок. У меня есть младший брат, но он… пожалуй, это не важно, – Фрам вздохнул, я прикусил губу в приступе стыда. – Я шел в космос вперед,

вместе с человечеством. Мы построили первую базу на Ио. Я главный доброволец. Бухнули межпланетник на Ганимеде, решив сделать там из его обломков базу. Снова я в первых рядах. Так и добрался до Япета.

– А потом? – Фрам решительно замолчал, но я не сдержался.

– Потом, ты устаешь, – ответил вместо Фрама Гарсон. – Такова природа людей, как далеко ты бы не забрался, тебе всегда хочется домой. А если домой вернуться ты уже не можешь, то ты ищешь новый дом. Для Фрама – это Япет. Я прав?

– Пожалуй, да. Я был уже в возрасте, когда мне предложили возглавить эту экспедицию. Меня тянуло все дальше и дальше от солнца, а вместе с тем, чем дальше от дома, тем сильнее в груди болит, назад тянет. Алекс уже все это начал проходить. Но пока тяга вперед гораздо сильнее.

– Ну, домой пока не очень хочется. – Я естественно лукавил.

– Ты во сне то с мамой, то с какой-то Ритой разговариваешь. Нас не обманешь. Думаешь, мы не в курсе, что ты на второй месяц пребывания на Япете, в кубрике прятался и тихонько слезу пускал? – Бернар видимо решил поквитаться за вчерашнее.

– Я… – я стал пунцовым.

– Ты абсолютно нормальный человек. – Вмешался Гарсон. – Бернар в первой экспедиции вообще угрожал вездеход сломать, лишь бы домой отправили. Бегал по гаражу зареванный с гаечным ключом в руках. Юный саботажник, блин!

– Согласен, что было, то было. – Отозвался Бернар удивительно веселым тоном. – Все это проходят. А учитывая, что Алекса так далеко сразу занесло, то он, пожалуй, даже легко отделался. Я по гаражу на Марсе бегал.

– Я продолжу, – как бы между делом сказал Фрам. – Так вот в какой-то точке пространства сила, которая толкает тебя вперед и сила, которая тянет домой, уравновешиваются. И ты не в силах ни идти вперед, ни вернуться назад. Как удачно сказал Гарсон, ты устал. Нет воли, бороться с этими силами. Место, где ты это почувствовал и есть твой новый дом. Для меня это Япет, а вам, щенкам, еще предстоит поискать себе пристанище… Так всем стоять! Хватит меланхолии, развели тут! Осмотреться и не расходиться. Бернар, займись связью, может получиться связаться.

Я встал как вкопанный и подумал об отце Фрама. Интересно, почему брат Фрама не может помочь старику достроить сарай? Наверно тоже где-то в далеком космосе, ищет свою точку невозврата, кто знает? И что же выходит, получается, отец Фрама прожил остаток лет в одиночестве? Меня передернуло, я бы не хотел, чтобы моя судьба сложилась так, что я больше не увижу своих родителей. И тут же в голову постучалась мысль о том, что я уже одобрил контракт на еще более дальнюю экспедицию. Я посмотрел на спину рядом стоящего Гарсона, неужели меня ждет тоже самое, что и этих ребят, и я больше никогда не ступлю на Землю? Или космос сжалиться надо мной и отпустит ненадолго домой?

Сорок лет, это же ужасно долго. Я столько еще не прожил, а Фрам уже столько борется с космической тишиной. Более того мои родители только встретились и даже не думали обо мне, а Фрам уже мог похвастаться тем, что был там, где до него не ступала нога человека.

Кстати, о последней войне, у меня дома, ну я имею ввиду на Земле, на стене прямо напротив входной двери висят медали моего деда, которые он заслужил во время третьей мировой. Помню, еще ребенком очень любил сидеть на коленях у деда и слушать его военные байки. Но дед достаточно рано покинул этот мир, запоздалая жертва войны. Он попал под химическую атаку на ближнем востоке и серьезно подорвал здоровье, из-за чего и покинул этот мир, едва ему стукнуло шестьдесят пять.

Та война, как ее, пожалуй, справедливо называют «последняя» вообще едва ли не разрушила планету. Сам я естественно не мог присутствовать при этих событиях, поэтому выскажу

вам ту картину, что сформировалась у меня благодаря учебникам истории, рассказам деда и других участников этих событий.

Третьей мировой предшествовали несколько локальных войн, которые теперь все чаще рассматриваются скорее как этапы войны, нежели отдельные конфликты. О них я расскажу в хронологическом порядке, но для начала стоит сказать об общем положении дел на мировой арене в то время.

Как известно на тот момент уже много лет не было никаких крупных конфликтов. Все что своим чередом и ничто не предвещало беды. Хотя в некоторых районах проблемы голода и экологического загрязнения достигли бедственных масштабов, на них, казалось бы, никто не обращал внимания. Политики на фоне такого благополучия все больше искали личной выгоды, откровенно превращая любой из существующих на тот момент режимов в бюрократическое болото. Изредка народ требовал от них каких-то решений в то и дело возникавших критических ситуациях, но те, как будто надеялись, что все само собой разрешиться и продолжали в большей степени беспокоиться за собственный карман, прячась за бесконечными заседаниями и комиссиями. Которые, по их мнению, действительно способствовали решению проблем. Если коротко, то ответом на любое сколько-нибудь значимое событие на мировой арене, было лишь внеочередное заседание какого-нибудь комитета по безопасности.

Самое удивительное в том , что долгие годы эта система работала, точнее наш мир спокойно существовал в прежнем своем состоянии. Гигантская машина под названием «человечество» потеряла движущуюся силу, но пока не падала вниз благодаря инерции.

Это относительное благополучие закончились внезапно. Сама мать природа устала смотреть, как главное ее детище неизменно деградирует, и решила дать ему неплохую взбучку. Так, около семидесяти лет назад, начался малый ледниковый период. Его наступление, естественно, было предсказано задолго. Но ученых никто не слушал, правительства продолжали свой курс на увеличение итак бесчисленных заседаний. В конце концов, чтобы ученые, наконец, отстали, был создан специальный совет по решению этого вопроса. Около двух лет совет непрерывно заседал. Все выглядело абсолютно серьезно, международный комитет из двухсот человек, который искал возможные выходы из данной ситуации.

Как показывают рассекреченные ныне протоколы, за два года работы члены комитета успели только хорошо обжиться в отеле, потребовать особое меню на ланч и по нескольку раз выслушать ученых со всех уголков света не сделав ни одного вывода и не совершив каких-либо хотя бы символических шагов. Единственное в чем преуспели члены комитета, так это в попытках побольнее уколоть представителей тех стран, с которыми у их правительства были напряженные отношения на данный момент. То есть действительно искать решение никто и не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.